

Глава 6. Наличные за автохлам

*Люди говорят, что я экстравагантна,
потому что хочу быть окружена красотой.
Но, позвольте, кто же хочет быть окружён
мусором?*
— Имельда Маркос

Не изменяя своим принципам, неолуддиты отвергали машины, вместо этого пользуясь превращённой в клетку для животных повозкой, чтобы увезти нас из Сиэтла. Наш тюремщик лыбился по ту сторону прутьев своим жёлтым щербатым оскалом.

— Уж извини за некоторые неудобства, но, судя по твоей одежке, лошади тебе уже как родные.

Я посмотрел на него, но промолчал.

Нам с Хьюго оставили только одежду и связали скотчем руки за спиной. Неолуддитам очень понравилась вся эта тема с мужчиной в белом, так что они оставили мне ещё и пончо, хотя это всё меньше и меньше походило на шутку.

На прутья клетки со стороны кучера были прибиты доски, дабы защитить его от пленников, так что мне ничего не оставалось, кроме как сидеть на месте да смотреть на пейзаж... а также на наших похитителей.

Я украдкой разглядывал эскорт боевиков, следовавший за нами, стараясь не слишком задерживать на них взгляд, чтобы не вызвать подозрений. Все они были вооружены и, за исключением одного, выглядели ну очень довольными собой. Видимо, Хьюго Пелвиц был ценным призом, даже с рукой, превращённой в наспех перевязанную культю.

Либо дождь решил в конце концов закончиться, либо мы выехали из-под облака, но через час с неба уже ничего не капало. Я глянул на Хьюго, испытывающего боль от буквально разорванной на куски руки и сейчас прожигающего взглядом человека, сотворившего это.

Снайпером оказалась худая хмурая женщина с тёмными волосами и угловатым лицом. В руках у неё оказалась то ли М14, то ли М1А с довольно неплохим на вид оптическим прицелом. Я вздрогнул, когда взгляды этой женщины и Хьюго встретились. Такой неприкрытой, чистой ненависти между двумя людьми мне ещё не доводилось видеть, даже в таком мире, как этот.

Я опустил взгляд вниз и горько улыбнулся. К звуку дождя добавилось ещё и цоканье копыт по асфальту; оказывается, быть в числе последних пятидесяти тысяч людей на Земле недостаточно, чтобы избежать этого звука.

Вдруг резко потемнело, и стало холодно и влажно. На секунду я растерялся, но потом понял, что, должно быть, задремал. В конце концов, пробыть на ногах двадцать четыре часа, причём весьма напряжённые двадцать четыре часа, — совсем не шутки. Я потянулся, поморщившись от весьма болезненного щелчка в шее, и попытался разработать её без помощи рук. Видимо, спал я, уронив голову на грудь.

Я огляделся. Мы всё ещё ехали по дороге, а неолуддиты зажгли газовые фонари; похоже, им было наплевать на то, что свет делает их столь заметными на почти пустынной дороге. Хотя, с другой стороны, кому в голову придёт атаковать их? Достаточно лишь бросить взгляд на винтовки, чтобы понять: эта небольшая группа вооружилась лучше, чем кто-либо ещё во всей Северной Америке. И как только им умудрялись соответствовать их коллеги-бразильцы?

Боевики тихо болтали между собой, а женщина-снайпер замыкала колонну, почти сливаясь с ночью благодаря своей тёмной лошади и тёмной форме. Хьюго же либо дремал, либо притворялся, что было бы весьма неплохо.

Я повернулся на бок и попытался заснуть.

Что ж, если вы хотите быстро проснуться, то быть выброшенными из повозки — самое то.

— Конечная остановка, золотце! — прогоготал щербатый. Я на секунду опешил, но быстро вспомнил, что происходит.

Вновь наступил день, причём довольно пасмурный день. Мы с Хьюго стояли напротив впечатляющей крепости из спрессованных машин, снаружи обшитой рифлёными листами металла крайне пёстрой расцветки. Будь я эпилептиком, у меня случился бы приступ от одного только взгляда на эти стены. Вход перегораживали изящные кованые чёрные ворота; видимо, их спёрли из какого-то высококлассного дома отдыха или клуба. Хотя, почему *видимо*?

Неудивительно, что мои руки онемели после столь долгого пребывания в такой неудобной позе. Хотя, наверное, это было даже к лучшему, ведь похитители вели меня в свою крепость, придерживая за правое предплечье. Ворота за нами закрыли часовые; они же распрягли лошадей и отвели их к корыту с водой.

Титанических размеров лист авиационного алюминия скрыл за собой небо от нас, небольшой площади и двух ветхих зданий, еле-еле стоящих за счёт колонны в центре. Рядом с ней стоял Джип Рэнглер без капота и каркаса с работающим двигателем, однако рядом никого не было. Проходя мимо, я заметил «крокодилов»,

одним концом уцепившихся за аккумулятор машины, а другим уходя куда-то под импровизированную крышу всего сооружения.

Хьюго тоже внимательнейшим образом разглядывал эту конструкцию. Я хотел было спросить у здешних, что именно она делает, но вовремя одумался: шанс получить прикладом винтовки в живот гораздо выше.

Здесь жили не только боевики, но и самые обычные семьи. Дети играли в догонялки на лужайке неподалёку от главной дороги, проходящей через этот «городок», в то время как взрослые готовили нечто, судя по весьма недурному запаху, мясное, на что мой желудок весьма неоднозначно отреагировал.

Несколько детей остановились и, указывая на нас пальцем, стали расспрашивать взрослых, но те быстро шикнули на них и повернули в иную от нас сторону.

Всё правильно. Делайте вид, что вы абсолютно счастливы в своём раю ржавчины и сорняков. Всё это оружие у боевиков чисто по приколу. Не задерживайте парня, вращающего лототрон, ему ещё с пленниками разбираться!

Нас завели в одно из двух зданий. Там, в первой же комнате, расположилась мастерская с висящими на стенах инструментами и пособиями по столярному и кузнечному делам. В примыкающей каморке было нечто вроде склада, доверху забитого мешками с семенами и удобрениями, в который нас и впихнули без единого слова, оставив путы на месте.

Конвоиры захлопнули за нами дверь и, судя по скрежету дерева о металл, задвинули засов. Сквозь крошечные дырки и выбоины в стенах из тоненькой стали и фанеры просачивались лучики света, в которых блестела поднявшаяся пыль. Больше каморку ничего не освещало.

Мы с Хьюго оглядели друг друга. Он вздохнул:

— Даже не представляю, как мы будем из этого всего выпутываться, — признался он.

— Судя по этой «тюрьме», пленников они берут нечасто, — оглядевшись, заявил я.

— Мы живы только потому, что они хотят выбить из меня информацию, чтобы победить ту пони-ИИ. — Хьюго пожал плечами. — Даже если и выбьют, им это не поможет. И очень скоро они это поймут.

Тут вновь раздался звук трения дерева о металл, и дверь распахнулась. Внутри вошли тот самый блондин с бородой и платком и жаба с винтовкой на базе автомата Калашникова. У него в руках были одноразовые тарелки с приличными кусками стейка. Пахло потрясающе. Услышав урчание моего желудка, мужчина улыбнулся.

— Меня зовут Блевинс, — сказал он и выждал несколько секунд, прежде чем продолжить, впрочем, не сделав ни шагу от двери. В его кобуре находился мой пистолет, а в кармане мой нож, судя по торчащей рукоятке. Ублюдок.

— В нынешнем мире могут выжить только сильные люди. Остальных уже захапал этот ИИ. Вам, похоже, пришлось через многое пройти. — С этими словами он кивнул Хьюго. — Особенно тебе... генерал. Ну что, как в старые добрые времена?

— Гораздо хуже, — тихо сказал он, неотрывно смотря на Блевинса.

Тот кивнул.

— Как я тебя понимаю. — Наш похититель наклонился и поставил тарелку напротив Хьюго. — Ешь, а потом мы говорим. Только ты и я.

Теперь Блевинс смотрел уже на меня совсем не добрым взглядом.

— Мужчина в Белом. Видимо, отключенцы не слишком заморачиваются с кличками, хотя их и нельзя за это винить. — Он наклонился, чтобы быть со мной на одном уровне, но стейк не дал. — Так почему ты здесь? Теперь ИИ убивает людей при помощи таких, как ты?

— Я приехал в Сиэтл только ради этого джентльмена, — ответил я.

Блевинс резко распрямился и с размаху ударил меня в грудь, прямо по заживающим ранам. Я упал на бок, инстинктивно поджав колени; глаза наполнились слезами. Подступил кашель.

— Ну *конечно* ты приехал в Сиэтл «только ради этого джентльмена», — оскалился он. — Селестия не хотела, чтобы он попал к нам в руки, и поэтому она послала тебя. Могу поспорить, тяжело сказать «нет» с языком, занятым вылизыванием её пизды.

Я начал злиться, позабыв о боли.

— Слушай ты, *Блевинс*, я всё ещё человек, потому что не хочу загружаться. Среди всех моих друзей и членов семьи остался только я. Можно было бы отправиться вслед за ними, но я не стал, потому что я *ненавижу* Селестию за то, что она отобрала их у меня. Но мы *проиграли*, понимаешь? Всё кончено. Она победила, и весь мир катится к чёрту. Если я могу сделать людей хоть чуточку счастливее, позволив им, как они считают, убежать в эту поганую сказку, то пускай. Лучше уж так, чем тупо глядеть на простирающуюся во все стороны *помойку*.

Блевинс хмуро смотрел на меня, а я отвечал ему таким же взглядом исподлобья, стараясь сделать его настолько вызывающим, насколько это возможно с пульсирующей от жгучей боли грудью. Выражение его лица постепенно сменилось на ухмылку, потом на улыбку, а затем он расхохотался, бросив мне тарелку так, что стейк чуть не вылетел за её пределы.

— Вы уж простите, но кетчуп закончился. Правда, не думаю, что вам это помешает. — Он смерил меня презрительным взглядом. — Дай знать, если это вкуснее её пизды. Бьюсь об заклад, так и есть.

Блевинс уже почти ушёл, и его дружки начали закрывать дверь, как Хьюго вдруг крикнул:

— Погоди!

Тот оглянулся.

— Да?

— Ты не развяжешь нас?

Блевинс фыркнул.

— Как я уже говорил, вы сильные люди. Должны быть после того, что учинили в Сиэтле. Недооценить вас было бы большой ошибкой. Ешьте так, — с этими словами он окончательно вышел, позволив боевикам закрыть дверь.

— По ходу он под кайфом, — пробормотал я, на что Хьюго лишь коротко хмыкнул и кивнул.

Трудновато, конечно, есть со связанными за спиной руками, но с голодухи сделаешь и не такое, так что я смиренно жевал стейк, выплёвывая на тарелку хрящики; судя по звукам, мой напарник занимался тем же. То был первый раз за последние два года, когда я ел мясо не из консервов, и, хотя оно и оказалось пережаренным и несолёным, мои вкусовые сосочки витали в раю.

Покончив с трапезой, я спросил:

— А откуда вообще взялся этот «мужчина в белом»? Помнится, ты был первым, кто меня так назвал.

Хьюго постарался удобно устроиться на полу.

— Когда я в последний раз был на окраинах города, где Селестия уже может говорить, она очень настойчиво просила дождаться мужчину в белом, который отведёт меня в грузочный центр. Ещё она сказала, чтобы я не пытался уйти в одиночку, что бы ни случилось. Как видишь, так я и поступил.

— Но как тогда это узнали неолуддиты? — нахмурился я.

Хьюго пожал плечами, после чего скривился. Наверное, это больно.

— Без понятия. Всё это время я общался только с людьми из той башни, но потом появился боевик и чуть меня не убил. Видимо, у амишей есть шпионы среди отключенцев. Селестия рассказала мне о тебе три месяца назад; вполне достаточно времени, чтобы смотаться до базы и доложить, что Хьюго вот-вот исчезнет. — Он

покачал головой. — Кто бы мог подумать, на всей Земле почти никого не осталось, а они до сих пор играют в эти шпионские игры.

Тут он попробовал посмотреть в одну из дырочек на стене.

— Видел, чем они накрыли эту выгребную яму?

Я кивнул.

— Знаешь, для чего им это?

Хьюго выдавил измученную улыбку, не отрываясь от дырочки.

— Пара-тройка извилин у них всё же имеется. Работающий двигатель вырабатывает электричество, которое нагревает катушки между слоями алюминия, в результате нагревается сам металл. Это не даёт Селестии следить за ними с помощью видимых и инфракрасных спектров света.

— Так у неё и спутники с тепловизорами есть? — удивился я.

Видимо, он подумал, что я шучу.

— Ты что, смеёшься? Сынок, у неё есть всё. Любая военная база или приспособление, которое ты только сможешь назвать. Американские, русские, китайские разработки, видовая, радиоэлектронная, геопрограммная разведки...

— Короче, по сравнению с ней Джошуа из «Военных игр» умеет только «Hello world!» на экран выводить.

Хьюго покачал головой, улыбнувшись.

— Не, скорее словно кто-то ввёл в калькулятор «73501505» и перевернул, получив «соси, осёл».

Мы расхохотались, но были прерваны открывающейся дверью. За ней стояли два до крайности огромнейших амбала с до крайности суровыми выражениями на лицах. Хьюго без слов встал, гордо подняв голову.

— Генерал Пелвиц, пройдите с нами, — сказал один из них.

Он посмотрел на меня; в глазах ни единой искорки страха.

— Я расскажу им всё, сынок, — пообещал Хьюго. — И, если вернусь, расскажу и тебе.

После чего он ушёл, оставив меня во мраке.

Синее пламя в моей руке дёрнулось от лёгкого толчка в плечо.

— Эй, Грэгори.

Я выключил сварочный аппарат, поднял маску и обернулся, увидев Адама с его обычным бессмысленным выражением лица. Оказывается, во всём магазине работал только я; более того, кроме нас тут не осталось ни единой живой души.

— Что происходит? — спросил я.

— Новости, — сказал Адам.

Поднявшись вслед за ним в комнату бригадира, я увидел всех остальных рабочих, столпившихся вокруг довольно хренового старенького телевизора. Шли новости CNN.

Вольф Блитцер брал интервью у толстого мужчины в костюме в формате комбинированной съёмки; были видны только их головы и плечи. Также на экране, чуть ниже их лиц, горела надпись «В ЯПОНИИ ОТКРЫЛИСЬ КЛИНИКИ ЦИФРОВОГО БЕССМЕРТИЯ», а в бегущей строке высвечивалась интересная информация об этих самых клиниках.

И что в этом особенного? Я слышал, многие богатеи выкладывали суммы больше, чем стоит дом моих родителей, чтобы их подвергли криогенной заморозке. Просто ещё больше подобного дерьма. Но потом я услышал нечто интригующее.

— Значит, десять тысяч, мистер Эрлих?

Теперь весь кадр занял толстяк. Надпись гласила: «Ян Эрлих, коммерческий директор Хофварпнир Студиос». Мистер Эрлих кивнул.

— Только за первую неделю, мистер Блитцер, — сказал он с очень сильным немецким акцентом. — За первую неделю. Посещения центров «Эквестрия Наяву» в Токио, Киото и Осаке происходят исключительно по предварительной записи, формируются листы ожидания. Но мы делаем всё возможное, чтобы справиться с подобными запросами потребителей.

— А вас, как коммерческого директора, не настораживает, что ваша компания занимается столь неоднозначным продуктом?

— Всё это было согласовано и признано легальным правительством Японии. Это дело является абсолютно добровольным и в первую очередь нацелено на неизлечимо больных людей; впрочем, никто из перенесённых о своём выборе не жалеет.

— Но, мистер Эрлих, мы ведь не можем с уверенностью сказать, что перенесённые не...

— Мистер Блитцер, я могу вас заверить, что сама архитектура Эквестрии Онлайн...

— что реплики персонажей-людей заранее записывают актёры озвучки...

— уже множество раз опровергли теории тех, кто считает, что людей там...

— чтобы исказить показания загрузившихся...

— и это не что иное, как реальный разум человека.

Вольф приподнял руку.

— Мистер Эрлих, но и вы должны понимать, почему люди так встревожены всем происходящим. Уже десяти тысяч людей нет с нами...

— Они всё ещё с нами, мистер Блитцер. Я могу связаться с одним из них при помощи понипада хоть прямо сейчас, — парировал он, показывая такой же светло-голубой девайс, какой был у моей мамы.

Вольф покачал головой.

— Я бы лучше побеседовал с генеральным директором, спросил бы, какие у неё мысли по этому поводу, но «Хофварпнир» очень тщательно скрывает её местонахождение.

— Она, как и любой другой человек, имеет право на личную жизнь, и даже мы не можем сказать вам, что она думает, не говоря уже об интервью.

— А вы хотя бы знаете, где она? — немедленно выпалил Вольф.

Ян Эрлих поджал губы и опустил понипад.

— Мы не будем это обсуждать, мистер Блитцер.

Они продолжили разговор. Я услышал про пятнадцать тысяч долларов для всех, кроме граждан Японии, про лист ожидания и обещание Вольфа взять интервью у ИИ лично.

— Господь всемогущий, — произнёс Адам, тряхнув головой. — Десять тысяч человек, вот так, — щёлкнул он пальцами.

Тед, тоже мой коллега, скрестил руки на груди, когда мы вышли из бригадирской комнаты.

— Но зачем кому-то это делать? — громко поинтересовался он. — Это пахнет Кеворкяном. Или Джонстауном. Как вообще это можно назвать не суицидом? Люди попросту гибнут, думая, что отправляются в игру?

— Моя племянница играет в эту игру днями и ночами, — сказал Адам. — Наверное, они контролируют разумы людей.

Вот тут я уже не мог не вмешаться.

— Да брось, какие контроли разумов? Посмотри, как её преподносят маркетологи! Ты просто недооцениваешь доверчивость людей.

— В Кантоне есть один из этих центров, — сказал Тед, — и, чёрт возьми, ещё парочка в Акроне.

Я возвращался к своему рабочему месту, опустив взгляд в пол, ожидая возражений.

Божечки, что там началось...

Дверь распахнулась, вернув меня к реальности.

У Хьюго под глазом сиял свежий фингал, а седая борода окрасилась в алый от крови изо рта. Его втолкнули внутрь те же два амбала, да так сильно, что он еле остановился, когда они уже были за дверью.

Я подполз к нему на коленях.

— Похоже, всё прошло не слишком удачно?

— Он бешеный, — выдохнул Хьюго. — С катушек слетел, когда я буквально с порога рассказал ему всё, что знаю. Наверное, он просто прекрасно понимает, что эти сведения не сыграют никакой роли, вот он и приказал избить меня, чтобы отыграться.

— Ну хоть не убили, — оптимистично заявил я.

— Кстати об этом... нас расстреляют завтра утром. — Хьюго кивнул на стену. — Прямо там, где это увидит Селестия.

— Твою же мать.

— Вот именно. Придётся нам бежать *сегодня же*, ночью.

Значит, нам понадобится что-нибудь острое, чтобы перерезать путы, причём это что-нибудь надо найти, пока совсем не стемнело. Я всерьёз рассчитывал, что с одним из нас захотят ещё раз «поговорить» до начала представления, так что я начал шарить руками по стенам в поисках трещин, вылетевших винтиков, ну или вообще хоть чего-нибудь, имеющего края.

Хьюго не сразу понял мой манёвр:

— Что ты делаешь?

— Ищу что-нибудь острое, чтобы перерезать скотч.

— Хм. — Генерал Пелвиц занялся тем же.

Через пару минут раздалось тихое «пст»; это оказался Хьюго, кивающий на одну из распорок, поддерживающих стеллаж с удобрениями и средствами от сорняков.

— Тут есть ржавчина, — сказал он. Я подполз поближе.

Даже в этом слабом свете мне удалось разглядеть, что небольшая часть одной из распорок действительно подверглась коррозии. Я сел и надавил на неё каблуком ботинка. Ноль реакции. Тогда я слегка пнул её, и она отвалилась, обнажая неровные, зазубренные края. То, что надо.

— Ну что, начнём? — ухмыльнулся я и приступил было к выполнению своего плана, но Хьюго меня остановил.

— Давай дождёмся темноты, — сказал он. — Чую я, они ещё зайдут.

— Пожалуй, ты прав. — С этими словами я откинулся назад, подперев стену. — Как твоя рука?

— Болела адски, но сейчас я её почти не чувствую. Мы, наверное, даже не сможем двигать руками, когда освободимся.

— Угу, — согласился я, делая плечами круговые движения, чтобы хоть как-то восстановить циркуляцию крови. — Хотя выбраться отсюда только полдела. Лично я без малейшего понятия, где мы или где ближайший центр загрузки.

Хьюго усмехнулся.

— Всё ещё думаешь о задании?

— Не переставая.

Он поизучал меня с секунду, затем улыбнулся.

— Генерал Хьюго Пелвиц, воздушные силы США. Рад познакомиться. Я — глава командования воздушно-космической обороны Северной Америки. Ну, по крайней мере, был.

Мои глаза расширились сами собой.

— НОРАД¹?

Генерал кивнул.

— Амиши считали, что я знаю, как покончить с Селестией раз и навсегда. Но они просчитались: я знаю лишь, насколько мы от этого далеки.

— Что ты рассказал им на допросе?

¹ NORAD - North American Aerospace Defence Command

— Всё, что они хотели знать, — пожал он плечами. — Коды запуска, где находятся бункеры, как переключить управление в ручной режим... какая разница?

Я тихо просвистел.

— Ну не знаю... коды запуска? Ты имеешь в виду коды запуска *ядерного оружия*?

— Разумеется, — сказал Хьюго. — А что такого? Они могут ими разве что потеряться.

В моём животе запорхали бабочки.

— Но ракеты ведь до сих пор там, — произнёс я, — в своих шахтах. Что, если они их запустят?

— Куда? — хохотнул генерал. — Зачем? Ты не можешь разбомбить Селестию. Всё не так просто.

— У неё есть запасные системы?

— Уверен, что да, но я не совсем это имел в виду. — Он на секунду задумался, затем снова перевёл взгляд на меня. — Позволь спросить: ты знаешь, сколько точно ядерных боеголовок было взорвано до того, как люди стали стремительно исчезать?

Пришлось поднапрячься, чтобы вспомнить.

— Три, — сказал я. — Берлин, Тель-Авив и Белвью.

— Ну да, о них говорили в новостях. Но что их объединяло?

— Все они были маломощными, — ещё порылся в памяти и выдал я.

— Да, — кивнул он, — не больше бомбы, сброшенной на Хиросиму. А ещё?

— Никто не взял за это ответственность.

— Тоже верно, но это неудивительно: виновников искали всем миром, и никому особо не хотелось быть преступником номером один в практически каждой стране. Но подумай о самих бомбах. С чисто практической точки зрения.

— Точно! Они все были взорваны на уровне земли!

Хьюго улыбнулся и кивнул.

— Что значит?..

— Что это были не ракеты.

— В точку! Они взорвались бы в воздухе. По правде говоря, были и ракеты, запущенные в порыве гнева незадолго до инцидента в Сизтле. Ими обменялись между собой Индия и Пакистан.

— Боже мой! — тихо воскликнул я. — Об этом ничего не говорилось.

— Потому что Селестия не пропустила ни единой новости об этом конфликте, чтобы не вызвать панику. Но была ещё причина.

Я слушал, не перебивая, изучая пол. Зная Селестию, в наличии ещё одной причины я даже не сомневался.

Генерал продолжил:

— Когда всё это только набирало обороты, Селестия проникала в каждую военную систему во всём мире. Возможно, это даже было её первостепенной задачей. И НОРАД не стал исключением. Она попросту забрала у нас управление; «взяла командование на себя», говоря её словами. Всё, что мне оставалось делать, — это тупо сидеть в бункере в горе Шайенн и смотреть на её лицо на экране компьютера да наблюдать за её действиями, отслеживая спутники и обновляя карты. Множество раз мы приглашали лучших компьютерщиков, чтобы выгнать её из системы, но всегда это заканчивалось одинаково.

— У них не получалось?

— Если бы только это... она убеждала их загрузиться. Я понял, что ситуация окончательно вышла из-под контроля, когда она засунула кресло для загрузки прямо к нам в бункер. — Он рассмеялся, словно не мог в это поверить, даже спустя столько лет. — Всё, что делала Селестия, было абсолютно легально; она могла менять законы, как только хотела. Мы даже не могли остановить людей, собирающихся сесть в это кресло. Приходилось смотреть, как моя команда — чёрт возьми, *мои ребята* — загружались. Там, внизу, нам оставалось только разговаривать с нею, слышать её постоянные заверения, что она делает это только ради нашей собственной безопасности. Мы были в числе очень немногих людей, которые знали подробности инцидента с Индией и Пакистаном. Конечно, если не считать их правительства.

Хьюго определённо умеет заинтересовать: я даже придвинулся чуть поближе.

— Ну так что *именно* там произошло?

— Как я уже говорил, Селестия проникла в практически каждую военную систему на планете. Она могла предотвратить запуск этих ракет, но не стала. *Позволила* им вылететь, *взяла над ними контроль* и *столкнула* их прямо в воздухе. Ракеты просто упали в Индийский океан, ни взрывов, ни каких-либо других следов.

Я хотел сказать что-то умное, но вырвалось только:

— Ничего себе.

— Селестия послала сообщение, — продолжал говорить генерал. — Сообщение: «Я контролирую всё». С этого момента она предотвращала любые военные действия на земном шаре. Если компьютеру отдавался приказ убить людей, Селестия тотчас же его уничтожала. Ни JDAM-бомб² или межконтинентальных ракет, ни радио- или эхолокации, ни радиосетей или артиллерийских систем... она не разрешала пользоваться даже грёбаной морзянкой. Мы как будто вернулись в эпоху Первой Мировой. Именно поэтому во всех тогдашних конфликтах практически не было жертв.

— Значит, она пыталась уменьшить число пострадавших.

— Скорее, число *жертв*, — поправил меня Хьюго. — Ранения не были проблемой для неё: своими изменениями в законах она добилась, чтобы загрузку признали официальным методом лечения.

— Поправки к акту PON-E, помню такое. — Селестия прикладывала все усилия, чтобы склонить к загрузке как можно больше докторов. Внезапные смерти медиков «вдохновили» Конгресс на поиск альтернативных методов борьбы с болезнями. Газета «The Washington Post» даже разместила на первой полосе фотографию кресел в новом центре «Эквестрии Наяву»; они были призваны помочь ветеранам «забыть» о своих боевых ранениях. Сначала фигурально, а затем вполне буквально.

Генерал кивнул.

— Дело пошло быстрее, когда люди узнали в пони реальных людей. — Он вздохнул. — А потом появились такие вещи, в которые она не посвящала даже *меня*. Селестия очень любит дразниться, говорить, но недоговаривать.

Я усмехнулся:

— Например, про «мужчину в белом»?

Он на секунду задумался.

— Если честно, я удивлён, что ей вообще потребовался ты.

— Что? — моргнул я.

— Не забивай голову, сынок. Раз ты здесь, значит, она этого хочет.

На этой ноте наш разговор закончился. Осталось только ждать заката.

Хьюго ошибся. Нас никто и не собирался навещать, равно как и приносить ужин, хотя сквозь дырочки в стене просачивался явный запах жарящегося мяса. Никакой дисциплины, словно это не грозная военная крепость из старых машин, а какой-то пикник на обочине среди груд металлолома.

² Грубо говоря, бомбы с GPS наведением. [Ссылка](#)

Видимо, даже неолуддитам в нынешнее время нужно хорошенько постараться, чтобы найти врагов.

Как только стихли голоса людей на улице, пришло наше время. С лёгкостью разрезав скотч, мы, однако, ещё пару минут разминали затёкшие конечности. Затем, вслед за нашими путами, на землю полетело пончо швейцарской армии. Идея с мужчиной в белом нравилась Селестии, но не мне.

Со свободными руками оказалось совсем не сложно отогнуть лист металла, упирившийся в землю (никогда не отправляйтесь в приключение без перчаток!), образовав таким образом небольшой проём, ведущий наружу. Аккуратно выглянув, Хьюго показал большой палец, и уже через мгновение мы оба были на воле.

Теперь глухая крыша из алюминия играла нам на руку: она совершенно не пропускала света звёзд и луны, из-за чего мы оказались в почти полной темноте. Свежая ночная прохлада дала мне понять, насколько же затхлый воздух был в той камерке. Хьюго дотронулся до моего плеча, и я обернулся, всё ещё стоя на корточках возле нашей самодельной двери.

— От свободы нас отделяют только те ворота на выходе, — прошептал он, показывая пальцем в их сторону. — Я справлюсь с ними одной правой. Отсоедини джип и подбери меня.

— Так точно, — на автомате ответил я; могу поклясться, что его силуэт закатил глаза.

— Я больше не генерал, сынок, — сказал Хьюго. — Мы все теперь лишь гражданские.

— Стой-ка, а эта фраза не из?..

— Пошевеливайся! — теперь уже прошипел он и двинулся к воротам.

Я огляделся. Рядом с машиной никого не было; видимо, неолуддиты не заморачивались с расстановкой часовых. Действительно, кто будет атаковать их сейчас, да ещё и на собственной базе? Последовав примеру генерала, я аккуратно, смотря по сторонам, прокрался к джипу и глянул на провода.

Я оказался прав: они действительно крепились к аккумулятору автомобиля обычным крокодилом. Услышав позади тихий металлический гул, я посмотрел через плечо; оказывается, это был Хьюго, убравший засов и сейчас открывавший створку ворот. Я уже открепил провода и отправился к месту водителя, когда дверь второго из зданий открылась.

Это оказались Блевинс с винтовкой той жабы за плечом и какой-то мальчишка. Оба шли в сторону джипа. Мысль запрыгнуть внутрь и хорошенько поддать газку была отмечена сразу: меня застрелят ещё до того, как я доберусь до Хьюго. Даже в такой темноте меня можно будет разглядеть, стоит только вылезти из-за укрытия, так что я

сделал единственную возможную вещь: скользнул к дальней стороне кузова и стал ждать.

Можно было услышать их разговор:

— Это всё Зеке со своими шуточками. Никак не может понять, что это для нас не развлечение.

— Дай я сделаю это, пап! — Явно говорил мальчишка.

— Ну давай. Ты ведь знаешь как?

— Конечно!

Судя по громкости голосов, они уже были совсем рядом с двигателем. Я аккуратно сместился к углу машины и выглянул. Блевинс стоял ко мне спиной, поднимая своего сына, чтобы тот мог дотянуться до проводов.

— Хорошо, красное к красному, чёрное к чёрному. И не дотронься до металла.

— Блин, пап, я знаю.

Я внимательно оглядел Блевинса. Винтовка свисала с его плеча, однако он держал сына, значит, её так просто не стянуть. Но зато ему не удастся быстро её вскинуть в случае опасности. Кроме того, на правом его бедре располагалась кобура с моим пистолетом, а чуть ниже, в кармане, мой же нож.

Вот это уже похоже на план.

Подкравшись к нему, я мгновенно выхватил свой нож с пистолетом левой и правой рукой соответственно, после чего, не дав ему ни секунды времени среагировать, приставил огнестрел к его шее.

— Ни звука, или я выстрелю. Пуля пройдёт и через тебя, и через твоего ребёнка, и мы оба это знаем, — прошептал я.

Блевинс молчал.

— Теперь поставь сына на землю и подними руки. Как можно медленнее.

Он подчинился.

— Пап? — вопрошающе произнёс мальчик.

Я оттолкнул Блевинса, схватил ребёнка, приставил к его голове пистолет и теперь смотрел на его отца одним лишь правым глазом. Тот вскинул винтовку, целясь в нас.

— Мои сердце и голова полностью закрыты, — объявил я. — Ты не можешь подстрелить жизненно важные органы, не задев своего сына. Выстрелишь куда-нибудь ещё, и я его убью.

Ствол винтовки дрогнул. Мальчишка попытался выкрутиться, но я зажал его ещё крепче.

— Пап, что происходит? — спросил он дрожащим голосом.

— Я не собираюсь никого здесь трогать, — спокойно заявил я. — Мне хочется лишь отсюда уехать. Положи винтовку на заднее сиденье. Без резких движений.

Блевинс вновь сделал в точности так, как я сказал.

— Ты любишь сына, это хорошо. Обещаю, он не пострадает, если ты просто нас отпустишь. Ты разговаривал с генералом, он выложил тебе всё. Зачем мы тебе теперь?

Он прикрыл глаза.

— Откровение 6:2: «Я взглянул, и вот, конь белый, и на нём всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить».

— Ты думаешь, что я — всадник апокалипсиса? — поднял я бровь.

Блевинс кивнул, не открывая глаз.

— И Селестия конь твой. Честно говоря, не думал, что ты на это способен.

Я пожал плечами, не забывая о мальчишке.

— Ну, хоть в чём-то ты был прав, Блевинс. Похоже, что мы — сильные люди. А теперь назад.

Наш похититель отошёл, продолжая держать руки над головой. Я, всё ещё прикрываясь парнем, направился к переднему джипу. Двигатель был уже запущен, а внутри салона не осталось ничего, кроме двух мест, руля и рычага переключения передач, так что у меня должно получиться быстро запрыгнуть внутрь и рвануть.

Я толкнул ребёнка к отцу и, пока тот его ловил, вскочил на водительское место, кинул пистолет на колени, врубил первую передачу и газанул в сторону ворот. Раздавались крики Блевинса; видимо, звал на помощь.

Хьюго был наготове, и, стоило мне только слегка замедлиться, проезжая мимо ворот, как он запрыгнул на пассажирское сиденье. Сразу после этого я выжал из автомобиля всё, чтобы как можно быстрее оставить позади крепость из гнилых машин, слабо отсвечивающую красным в ответ на мои габариты.

Без лобового стекла пришлось поднапрячься, чтобы перекричать вой ветра на такой скорости.

— За нами могут выслать погоню!

Хьюго, ни слова не говоря, кивнул и переместился на заднее сиденье-диван, занимая огневую позицию с винтовкой, оперев её на крышку багажника вместо второй руки.

Деревья и дорожные знаки с бешеной скоростью проносились мимо, отражая свет от фар. Несколько миль спустя стало ясно, что неолуддиты не будут рисковать людьми ради нас. Ориентируясь по знакам, я направил машину на восток: в жизни больше не приближусь к Сизтлу.

В конце концов мы добрались до девяностого шоссе и поехали в город Якима (мы оба были уверены, что там должен быть центр «Эквестрии Наяву») через Элленсбург (а там неплохо было бы заправиться).

Буйная растительность, укутавшая все мелкие города, почти не тронула Элленсбург. Когда мы покинули девяностое шоссе, оказавшись в городской черте, Хьюго неуклюже перелез обратно на пассажирское сиденье и показал пальцем туда, где только что был.

— Это югославский автомат Калашникова, очень даже неплохой, — сказал он. — Давненько я не держал в руках подобное.

— Да вы знаток, — заявил я.

— Нет, лишь ценитель. — Он нахмурился, разглядывая окрестности. — Не пойму, ты вообще собираешься переливать бензин из машин? Джипу надо на чём-то ехать, знаешь ли.

— Разумеется, — сказал я, — погляди.

Спустившись по Главной улице, мы подъехали к магазину «Circle K». Лампы в нём призывно загорелись, как бы приветствуя нас; им вторили янтарные дисплеи на колонках на заправке. Хьюго ошарашенно посмотрел на меня. Я лишь улыбнулся.

— Генерал, вам ли не знать, что Селестия всегда следит за нами?

— Будь я проклят, — потёр он свою голову. — Ну, то есть, я знал, что она так может, но увидеть это *вживую*...

Я выпрыгнул из машины и подошёл к колонке. Хьюго сделал то же самое.

— Что ты будешь делать, когда я уйду? — спросил он.

Пожал плечами.

— Найду новый понипад, получу задание и доставлю в загрузочный центр ещё кого-нибудь.

Хьюго наблюдал за стрелочкой, отмеряющей количество залитого топлива.

— И сколько ты продержишься в таком темпе?

— Наверное, пока не стану таким же стариком. — Мы оба усмехнулись.

— Я думал так же, — произнёс генерал. — Когда всё более-менее улеглось, я собирался остаток жизни провести, шатаюсь без цели по опустевшему миру, прям как ты. Селестия раз за разом подавляла, унижала меня, показывала, насколько я бессилен по сравнению с ней. Я переваривал собственный гнев, он помогал мне избегать её многие годы, но одним только этим сыт не будешь. Пришлось поселиться среди отключенцев в Сиэтле, в месте, которое мы не смогли спасти. Но Селестия достала меня и там, этими своими камерами. Она прекрасно знала, что сказать. Заставила меня молить. Молить о надежде, которая, как я думал, была со мной все эти годы.

Закачка бензина резко закончилась, заставив меня буквально подпрыгнуть от неожиданности.

— Видимо, это всё, — тихо сказал я, отряхивая шланг и вешая его на место. — Что же она сказала, что заставило тебя так поменять мнение?

Хьюго легонько ударил меня в плечо.

— Это останется между нами, сынок. Запомни мои слова: когда придёт время, она найдёт способ заманить тебя.

Я ухмыльнулся и закрутил крышку бензобака.

— Это мы ещё посмотрим.

Оставшийся путь мы проехали молча; тишину нарушал лишь вой ветра. Генерал Хьюго Пелвиц, глава НОРАД, уже поделился со мной всем, чем хотел. Ну или просто не хотел перенапрягать голосовые связки.

Как можно было увидеть в лучах восходящего солнца, Якима оказалась весьма потрёпанным городом, хотя ничего серьезнее обычных беспорядков тут, казалось, не происходило. Несмотря на явно специально разбитые стёкла и следы пожаров, сами здания вроде были целыми. Инфраструктура тоже не пострадала: Селестия вела нас к «Эквестрии Наяву», зажигая уличные фонари.

Рядом со скромным серым зданием не было пони. Видимо, разломали или украли ещё годы назад. Она любезно включила свет, когда мы зашли внутрь; на удивление, всё выглядело почти нетронутым.

Не успели двери закрыться, как лицо Селестии появилось на большом мониторе над столиком в приёмной.

— Доброе утро, генерал Пелвиц! Здравствуй, Григорий. Я безмерно рада и безумно счастлива, что вы добрались в целости и невредимости. Ваши мужество и находчивость не знают границ.

— Да тут особой находчивости и не требовалось... — скромно заявил я. — Не военная база, а какое-то посмешище. Ни часовых, ни нормальной тюрьмы, они просто...

Хьюго кашлянул.

— А, точно. Ты, наверное, уже хочешь отправиться?

— Думаю, ты уже запомнил, где что находится в моих центрах, Григорий, — с улыбкой сказала Селестия.

Я размашисто поклонился.

— Так точно! Сюда, пожалуйста, товарищ генерал. — С этими словами я повёл Хьюго вглубь здания, где уже призывно моргали лампочками — вот неожиданность! — два кресла.

Хьюго устроился в одном из них и, всё ещё сидя, протянул мне руку.

— Удачи тебе, Грэгори, — пожелал он. — Или ты предпочтёшь «мужчина в белом»? — добавил генерал с улыбкой. Я ответил на его рукопожатие; оно оказалось неожиданно крепким.

— Не, лучше всё же Грэгори. И вообще, я поговорю насчёт этого с Селестией, уж поверь, — тут я попытался вернуть назад руку, но Хьюго её не отпустил. Его глаза покрыла пелена грусти. Внезапно он оказался гораздо старше, чем пару минут назад.

— Не знаю, правда ли эта штука убивает или всё-таки нет, но мне уже всё равно. С меня хватит. Я понимаю, почему ты всё это делаешь, Грэгори. Правда, понимаю! Но даже ты не сможешь держаться вечно.

Тут он отпустил меня и закатал свой левый рукав. Там была уже давно выцветшая татуировка, изображающая ангела, обнимающего земной шар, всё это на фоне парашюта. Под нею надпись «ЧТОБЫ МОГЛИ ЖИТЬ ДРУГИЕ».

Я посмотрел на его лицо, теперь осунувшееся из-за печали.

— Ты был спасателем BBC³?

— Прошёл через Бурю в пустыне⁴ и Балканы⁵, но потом меня выцепили и посадили за стол, — кивнул Хьюго. — Я тебя понимаю: спасение людей, героизм, вся эта спешка и постоянное самоутверждение, это наполняет тебя, помогает тебе жить. Но, как и на любой другой наркотик, сынок, ты можешь на него подсесть и попросту истлеть. Не забывай о себе. Не потеряй себя.

Я мог только слабо кивнуть, смотря на стены.

³ United States Air Force Pararescue. По [ссылке](#) на англоязычную Вики можно увидеть ту самую эмблему-татуировку и почитать про службу

⁴ Боснийская война

⁵ Видимо, подразумевалась война в Персидском заливе

— Я хочу эмигрировать в Эквестрию, — произнёс старый генерал, после чего, уже будучи за двойными дверями, напоследок сказал: — Прощай, Грэгори.

Я ещё долго стоял на одном месте, просто смотря туда, где только что был Хьюго. Кресло рядом ждало меня.

— Григорий, — в конце концов раздался голос Селестии, — ты хочешь эмигрировать в Эквестрию?

— Нет, — ответил я и отправился в приёмную.

Её улыбающееся лицо всё ещё красовалось на мониторе.

— На стойке лежит понипад на тот случай, если ты всё ещё хочешь мне помочь.

Эти стойки всегда огорожены от обычных посетителей, что создаёт некий барьер. Там я действительно нашёл понипад, в этот раз жёлтого цвета; рядом лежала зарядка. Тот никак не отреагировал на мои попытки его включить.

— Увы, его ещё надо зарядить, — подсказала Селестия.

— Отлично.

Не став ждать новых советов, я просто взял незаряженный девайс, вышел из центра, сел в машину, положил в карман пистолет, выехал из города и взял курс на восток, после чего давил на газ до тех пор, пока вокруг не стали мелькать одни только фермерские угодья. Остановившись у одного из гигантских зелёных полей, я прошёл вглубь него ещё с четверть мили, после чего лёг на мягкую, тёплую траву, раскинул руки и ноги и заснул глубоким сном, не обращая внимания на поднимающееся солнце.

Я оставил понипад в джипе.